

Роза

Я всегда мечтала научиться летать. Еще когда была маленькой, я сидела на пустынном пляже, слушала ленивый плеск волн и мечтала.

Далеко-далеко за морем, так мне казалось тогда, виднелись белые здания, утопавшие в зелени. Я представляла себе, что это сказочные дворцы в окружении пышных садов. Чистый, нетронутый песок пляжа ведет к кованым оградкам, за которыми начинаются бесконечные тенистые сады, а в зелени деревьев прячутся белоснежные дворцы с колоннами, террасами...

Я завидовала ласточкам-береговушкам. Они летают, где хотят, и могут полететь туда, к сказочным садам, отдохнуть в тени прекрасных цветущих деревьев, которые непременно окажутся магнолиями. Я никогда не видела магнолий, только на картинках и черно-белых фотографиях. Но они представлялись мне такими красивыми! Я выросла. В вагоне старого скрипучего трамвая я решила добраться туда, к своей детской мечте. Я купила билет и поехала.

На улице была зима. Я понимала, что не увижу прекрасных цветущих садов. Но мне так хотелось увидеть те далекие белые дворцы! Мама смеялась, говорила, что я фантазерка, и никаких дворцов там нет. И то место, куда я собралась ехать, находится не за морем, а в дальней бухте. И называется оно «порт».

Я верила и не верила. Я же помню, что видела дворцы с колоннами, утопающие в зелени садов. Порт... Значит я увижу парусники, громадные, такие как в книгах. Они пахнут пряностями, далекими морями и возят разные прекрасные вещи: кораллы, жемчуг, разноцветные раковины и, обязательно, неведомые фрукты и плоды. Целыми связками. А один из кораблей, тот далекий, почти у горизонта, будет с алыми парусами. И я обязательно найду дворцы, которые видела давно-давно там, далеко за морем. Мама оказалась права. Я не нашла дворцов и не увидела парусников. Все было не так. Но они же где-то были? Я не могла все это выдумать.

Дорога в порт была долгой. Возвращалась я в сумерках. Трамвай с трудом поднимался на гору, к городу.

Еще днем меня эта гора поразила. Она была похожа на сказочную чудо-юдо-рыбу-кит. По верху этой горы и проходила трамвайная линия. Колея так круто спускалась с верха горы к берегу моря, что на спуске трамвай скрипел всеми своими суставами, разбрасывал из-под колес целые фонтаны сверкающих искр, стараясь удержаться на крутом склоне.

Сейчас, вечером, на склоне горы, среди покрытых снегом деревьев, я вдруг увидела чудо. И как я его не заметила днем? Представьте себе: сумерки, зима, затянутое тучами ультрамариновое небо, белый снег, который сейчас, в сумерках, так контрастирует с темным небом. И, вот, на склоне горы, светится стрельчатыми окнами дом, похожий на миниатюрный готический собор. Башни, флюгеры, химеры. Рождественская открытка, ставшая явью.

Я слышала, что в нашем городе есть такой дом. Я даже вспомнила название – дом Гампера. Кажется, он был врачом.

И так уютно светились окна, что пока дом не исчез из виду, я сидела и фантазировала о тех, кто живет в нем. Представлялись тихие комнаты, благородные лица, счастливые дети, елки, которые накануне Нового года сверкают огнями в полумраке комнат со сводчатыми потолками.

Если бы не это видение чуда, то со мной бы не произошло то, что произошло. Наступила весна. Зимой трамваи ходили редко и медленно, и я так и не собралась, чтобы еще раз взглянуть на дом Гампера. Но с весны, место на вершине горы с видом на море и на чудо-дом, стало моим любимым местом. Здесь трамвайная колея пролегла в аллее старых деревьев, которые в любое время дня хранили прохладный полумрак, а на краю обрыва стояли лавочки с литыми чугунными ножками.

Не я одна любила это место. Многие приходили сюда полюбоваться морем и чудесным домом. Места хватало всем, и никто никому не мешал. Особенно это место любили влюбленные.

Прошло лето и то, о чем я хочу рассказать, случилось в ноябре.

Был вечер. Не помню, почему я оказалась там в это время года и в то время суток. С моря дул холодный порывистый ветер. Он срывал последние листья и нес их по направлению к городу, словно стаю птиц.

Смеркалось. Скамейки под деревьями были пусты, и только на одной из них сидела одинокая бабулька с пластмассовым ведром мелкоцветных хризантем. Покупателей не было.

Я недолго посидела на соседней скамейке, любовалась штормовым морем и собралась уходить.

- Трамвай будет скоро, - сказала бабулька.

Мне не хотелось подниматься в город пешком, вверх по склону, и я решила дожидаться трамвая.

- Никто не покупает? – кивнула я в сторону пластмассового ведерка.

- Нет, холодно сегодня.

Стоявший в ведре пучок цветов мне понравился. Я люблю такие букеты. Разноцветные. Пестрые. Наверное, все возможные цвета присутствовали в нем. Белые и сиреневые, желтые и красные, розовые, какие-то коричневые и бордовые.

- Сколько?

- За все или за одну веточку?

- За все.

Она назвала цену. Сумма была мне по силам. Я отсчитала деньги и, когда передавала их старушке, она задержала мою руку в своей.

- Теперь все твои заветные желания будут исполняться, - сказала она. Но бойся роковых желаний.

Трамвай, натужно поднимавшийся к городу, пронзительно зазвенел. Я помахала рукой, показывая, чтобы он остановился (здесь остановка была «по требованию»), а когда оглянулась, то ни бабульки, ни ее пластмассового ведра не было. Лишь мокрый от воды асфальт около лавки. Я так и не успела спросить, что понимать под роковыми желаниями.

Прошла зима. В конце весны я поняла, что мои заветные желания могут исполняться. Я писала, что я с детства была фантазеркой. И кроме дальних стран и белоснежных дворцов меня манили ночные огни. Я могла часами сидеть у окна, смотреть на ночной город, на его огни, и фантазировать. Я глядела на какой-нибудь одинокий огонек в ночи, и представляла, что происходит там, за далеким окном. Мне хотелось полететь туда, к этому огоньку, убедиться, что все так и есть. И однажды, я превратилась в ночную бабочку. По-моему, это был прекрасный грушевый бражник. Вернее, прекрасная бражница.

То ли судьба меня хранила, то ли каким-то другим неведомым мне образом я выбирала манящие окна, но за ними я видела то, что хотела увидеть: уют, покой, счастье, любовь, радость. Но, я никак не могла управлять инстинктами бабочки, и, однажды, чуть не сгорела, влетев в пламя свечи.

Пришла пора цветения роз. Снова был вечер. Радио играло песни в стиле недавнего ретро. И я поняла, что в следующий свой полет я буду не бабочкой, а лепестком розы. В моих превращениях у меня появился приятель – легкий ночной бриз, который исполнял все мои желания. И, собираясь в первый полет, в виде лепестка розы, я попросила его принести с собой аромат целого розового поля, смешанный с запахом моря, ночных костров и горьких степных трав.

Каждую ночь я отправлялась в свои путешествия к ночным огням. Я меняла цвет лепестка – с белого на красный, с красного – на желтый, с желтого – на коралловый, с кораллового – на лососевый.

И, вот, однажды, я легла на стол, влетев в открытое окно. На столе горела настольная лампа, и, перед лампой, с открытой книгой, сидел юноша, вглядываясь задумчиво во мрак ночи. Мне показалось, что он, как и я, смотрит на далекие огни и мечтает. Мечтает о бегстве от одиночества, о своем счастье, о тех чувствах, которые он готов подарить, о нерастроченной нежности, которая пока, увы, никому не нужна.

Комната наполнилась легким ароматом цветущих роз. Он протянул руку и погладил лежащий перед ним на столе лепесток розы. И, вдруг, я поняла, что он видит меня. Не лепесток, а меня! Видит в виде мечты, некоего воздушного образа, и гладит он не лепесток, а мои руки. Так, перед лампой, мы и просидели всю ночь. Под утро его теплые губы коснулись моих призрачных губ.

Я не знаю, как это происходило, но, будь я бабочкой, или лепестком розы, но с первым лучом солнца я неизменно возвращалась домой. словно по мановению волшебной палочки. В то утро, обессиленная, я упала на кровать, но продолжала гладить свое тело сквозь ткань шелковой сорочки, представляя себе, что это его руки.

Проснувшись, я захотела предстать перед ним не в виде воздушного образа, а живой, во плоти. Я смутно помнила расположение его дома. Помнила, что справа от дорожки, ведущей к дому, росли три куста сирени. С обеих сторон окна, возле которого мы провели всю ночь, еще по одному, а на улице, перед калиткой, росли две старые акации и между ними устроены качели. А если свернуть в боковой переулок, то вдалеке, за зелеными кронами деревьев, будет видно море.

Я одела свое самое красивое платье из изумрудной ткани, которое так шло моим золотым волосам, и отправилась на поиски.

Я бродила почти до вечера. Попадались похожие дома, но, что-нибудь не совпадало. Самое главное, что его нигде не было. Я сломала на туфле каблук, некоторое время хромала, сжимая в руке несчастный туфель, потом, словно очнувшись от сна, сняла и второй, и зашлепала босиком по теплым, согретым солнцем плитам.

С тех пор я летала к нему каждую ночь. И каждый день его искала.

Наступила осень. Мой летний приятель – ночной бриз исчез. Время цветения роз прошло. Последние лепестки роз опадали в саду под холодным северным ветром. А плоды роз лопались, рассыпая цепкие семена, которые падали на промерзшую по утрам землю.

Я не могла летать. И тогда, в один из последних теплых дней, когда ночной бриз в последний раз приоткрыл мое окно, я, чтобы не потерять того юношу, превратилась в

колючую семечку розы. Я попросила бриз, чтобы он отнес меня к заветному дому. Так я стала розой. Первый год я только росла, набираясь сил, выпуская листья, и, собирая всю свою любовь, чтобы к осени, накануне заморозков, предстать пред ним прекрасным цветком. В первый раз, увидев меня цветущей, он застыл. Он вспомнил меня.

Потом была зима, когда мороз пытался меня убить, пробираясь к самым корням. Я боролась изовсех сил, и весной расцвела снова. Каждый вечер он распахивал окно, как и в первый вечер зажигал лампу, и смотрел на меня сквозь мрак ночи. И я снова чувствовала его руки, его губы, его дыхание.

Я не помню сколько прошло лет, в течение которых мы смотрели друг на друга, разделенные пламенем свечи, или светом настольной лампы. Но, в одну из весен, в доме появилась молодая хозяйка. Затем у них появились дети, которые любили по утрам выбегать из дому и вдыхать мой аромат, касаясь своими носиками моих лепестков, еще покрытых утренней росой.

Я уже не понимала для кого я цвету и зачем. Понимала, что , видимо, не только для него. Наверное, для его счастья. Я не могла быть с ним. Но я хотела, чтобы он был счастлив. Случались вечера, когда он снова открывал окно, садился за стол, и ждал. Наверное, меня. Я была рядом, но не могла воплотиться даже в свой воздушный образ. Теперь я была розой. И могла напомнить о себе, той, давнишней, только ароматом и цветом лепестков.

Мы были рядом, и мы были бесконечно далеки.

PS. Дети помнили эту прекрасную розу с самого раннего детства. Букеты ее цветов каждое лето украшали дом. Дети выросли, разъехались, и собрались вместе только тогда, когда не стало отца. В случившуюся после смерти отца зиму, ударили сильные морозы. И роза вымерзла.

Ей некого было больше любить.

PPS. А после той ужасной зимы, когда вымерзла роза, в городе перестал дуть летний ночной бриз. Ученые объясняли это глобальными изменениями климата. Но я думаю, что ночной бриз был влюблен. То ли в розу, то ли в девушку, которая стала розой. И с ее гибелью, ему тоже некого было больше любить. И глобальные изменения климата не причем. Просто на Земле стало меньше любви.

[Обсудить на форуме](#)